

Наталья
Лукьянова

На краю пёстрых истин

РОМАНТИЧЕСКИЕ ИСТОРИИ

Романтические истории

Наталья Лукьянова

На краю печальных истин

«Центрполиграф»

2007

Лукьянова Н. Г.

На краю печальных истин / Н. Г. Лукьянова — «Центрполиграф»,
2007 — (Романтические истории)

Валентин, Сергей и Алексей — давние друзья, когда-то учились вместе, а теперь у них процветающая компьютерная фирма. Всех их можно назвать состоявшимися людьми, все счастливы — в работе и семейной жизни. Но внезапно жизнь друзей сильно осложняется. Некий аноним сообщает Валентину о том, что его любимая и бескорыстная жена подло изменяет ему. У Сергея пропадает сын-студент, и есть подозрение, что он связался с наркотиками... Алексей, прожженный ловелас, закрутив командировочную интрижку, по уши влюбляется в загадочную красотку...

© Лукьянова Н. Г., 2007

© Центрполиграф, 2007

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	23
Глава 4	26
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Наталья Лукьянова
На краю печальных истин

Делать иногда глупости ради любви – просто полезно.
Люк Бессон

Глава 1

Валентин Иванович Чубов возвращался поздним осенним вечером домой в отличном расположении духа. Праздничный вечер удался. Дата была так себе, скорее воспоминание о прошлом, чем по-настоящему праздничное событие. «День Седьмого ноября – красный день календаря». Никто к этому празднику серьезно и в молодости не относился, а уж сейчас и подавно. Прекрасный повод собраться теплой компанией. Выходной – опять же дополнительный плюс, а тут еще с самого утра праздничная демонстрация по телевизору, мама печет пироги и крошит салаты, вечерний салют. Проникаться остальными проблемами и искать идеологическую подоплеку в голову никогда не приходило.

С раннего детства набили оскомину «Ленины в Октябре» и тому подобная идеологическая бредятинка. Спасибо, что у их поколения оказался на удивление стойкий иммунитет к советской тотальной пропаганде. Никто, по крайней мере из его окружения, не сделался стойким и несгибаемым коммунистом. Его приятели сегодня по городу красными флагами не размахивают, с портретами бывших вождей не бегают, в пикетах не участвуют. Все делом занимаются.

Народ собрался на вечеринку совершенно спонтанно, не договариваясь заранее, по одному телефонному звонку. Нашелся энтузиаст, обзвонил друзей и знакомых накануне вечером, предложил собраться у него. Отозвались старинные приятели и подруги мгновенно, с удивительным единодушием и редким энтузиазмом. Это очень легко понять: многих ухандокала эта свехрхритмичная современная действительность. Надоело быть очень взрослыми и серьезными. Захотелось, как в юности, подурочиться, похохотать, поболтать, выпить водочки. Посидели, потрепались, покричали от всей души пьяными хриплыми голосами песни своей теперь уже такой далекой комсомольской юности и, довольные жизнью и друг другом, мирно разошлись по домам. Все-таки человеку необходимо иногда элементарное общение с близкими по духу людьми. Без этого пропадешь. Все, конечно, сильно изменились, стали солидными дядями и тетями, на ногах стояли уверенно, многие успели обзавестись не только детьми, но и внуками. Здорово, что можно хотя бы иногда наплевать на работу и заботы взрослой жизни. Пусть на один вечер – почувствовать себя молодым, нахохотаться всласть, отдохнуть без выпендрежа и светского регламента, широко, по-русски, от души.

Эйфория молодости и приподнятое настроение от встречи со старыми друзьями взяли свое. Мотор ловить не хотелось, и Валентин Иванович отправился домой в метро, по-демократически, как в юности, когда сама мысль взять такси казалась крамольной фантазией, приличествующей буржуину или торгашу. Да и не было тогда в кармане лишних денег. Поздний поезд московской подземки вез подзадержавшихся по разным причинам людей в отдаленный спальный район. Несмотря на поздний час, места в вагоне были заняты, и Валентину Ивановичу пришлось ехать стоя. Это обстоятельство его несколько не огорчило. Настроение было празднично-приподнятое. Нет, зачем гневить судьбу? Жизнь и в самом деле удалась.

Мужчина он, как говорится, в самом расцвете жизненных и творческих сил, слава богу, на сегодняшний день здоров, тьфу-тьфу, чтоб не сглазить. Карьера удалась, даже годы передраг и тотальных перестроек не помешали ему занять достойное место под солнцем, родители еще живы и здоровы. Но самое главное для него в жизни – жена Лерочка, самая любимая женщина на свете. Жена, любовница, верный друг, все понимающий человечек. Не каждому так в жизни везет со спутницей. Они женаты уже двенадцать лет, а такое ощущение, что медовый месяц только-только начался и не кончится никогда. Очень жаль, что ее сейчас нет рядом. Это единственное обстоятельство, которое чуть огорчало в этот вечер. Но что делать? Отправил свою любимую в санаторий под Звенигород силы восстановить и подлечиться. Ей это просто необходимо при ее сумасшедшей работе. Врач скорой – это вам не халам-балам. Сколько раз

он ее просил, умолял поменять работу. Но эта хрупкая женщина бывала удивительно непреклонна. Призвание, видите ли. Никак не переубедить женушку сменить суматошные ночные вызовы на спокойную кабинетную службу.

А что такое в настоящее время врач скорой помощи? Ежедневный подвиг – вот что это такое. Не каждому мужику под силу бешеный ритм и нагрузка, что уж говорить о молодой хрупкой женщине. Едешь на вызов и не представляешь, с чем столкнешься. То ли действительно человеку помощь срочно нужна, то ли алкаш буянит в приступе белой горячки. А сколько наркоманов развелось! Эта категория населения вообще ничем не брезгует. Так и ждешь жену с каждой смены, как с войны. А элементарные столичные пробки и разного рода самонадеянные лихачи на дорогах? А зимой, в гололед? И ладно если бы денег в семье не хватало. С деньгами как раз все отлично. По крайней мере, зарплата жены никакого существенного влияния на семейный бюджет не имеет. Сама Лерка по характеру абсолютный бесребреник и трудяга по натуре. Ее даже обыкновенные дамские заморочки в виде всяких презентов и сюрпризов особенно не трогают. Так и вкалывает ради высокой идеи и днем и ночью.

Подумав о жене, Чубов счастливо улыбнулся. Как же здорово, что судьба свела их вместе! Какой он счастливый человек. По-настоящему счастливый, без дураков. А ведь уже в любовь не верил, старый пессимист. Романов пережил на своем веку до Леркиной эры много – всяких и разных, но семейная жизнь как-то все не складывалась. Сколько ему было, когда он встретил свою Лерочку? Правильно, тридцать два года. На тот момент жизни он окончательно и бесповоротно решил поставить жирную точку на всяких охах, вздохах и любовных приключениях. Или, по крайней мере, не воспринимать подобные отношения всерьез. Стало жалко тратить душевную энергию, нервы и время на игры в любовь.

Ему до смертельной скуки надоели девичьи вздорные глупости, причудливые и надрывные капризы, бесконечные необоснованные претензии. То ли дело было в нем, то ли ему с девицами не везло – он не стал крепко задумываться. Живут же и холостяки на свете, и неплохо, кстати, живут. У него есть главная невеста – наука. Ему с ней гораздо интересней, чем с длинноногими красавицами. По крайней мере, не слышишь каждые пять минут: «Милый, о чем ты думаешь?»; «У Милки есть норковый полушубок, а у меня нет», – и так далее, до бесконечности. Надоело до зубовного скрежета принимать активное участие в дамских истериках и скандалах местного масштаба. Чубов твердо для себя решил, что семейная жизнь и брак не для него, и перестал заморачиваться по этому поводу. Он и представить себе не мог, что ему так повезет и он забудет о своем твердом решении остаться вечным холостяком.

Произошло это в августе, когда, устав от московской суеты и вечной занятости, духоты большого города и проблем, он с дружной компанией энтузиастов-альпинистов отправился покорять горные вершины. До сих пор его особенно не привлекали походная романтика, палатки, трудности и неустроенность быта, всякие там костры и комары. Но знакомые взалбли объясняли, что он получит настоящее удовольствие. Он немного подумал и согласился. Почему бы нет? Крепкая мужская компания, Крым, знакомый и любимый с детства, горы, никаких дамских писков. Только они – настоящие мужики и горы. Что может быть лучше? И потом, как можно не любить того, чего ты сам никогда не пробовал? А вдруг понравится? По крайней мере, он ничего не теряет. Не захочется ему по горам скакать, никто его не заставит. Можно будет похерить этот необыкновенный спорт, перебраться на ласковый пляж и плескаться в море сколько душе угодно.

И действительно, отпуск получился замечательным. С чем может сравниться это ощущение: ты стоишь на вершине, мокрый от пота, с выпрыгивающим из груди сердцем, а перед тобой такие простор и величие, что дух захватывает. Еще несколько часов назад ты стоял у подножия горы и твердо знал, что это не для тебя. Невозможно просто так, рискуя собственным здоровьем, переть наверх, забывая обо всем. И подготовки никакой, и занятие очень опасное и совершенно бессмысленное. А потом что-то щелкает внутри. И, сжав зубы, задыхаясь,

обливаясь потом, ты это делаешь. И нет ничего важнее в этот момент. Ты забываешь про все: про то, что оставил внизу, про то, что вершина тебе не по плечу, про самого себя. У тебя одна задача, которая подчиняет тебя полностью, – покорить, укротить, добраться во что бы то ни стало до вершины. Как будто от этого зависит вся твоя дальнейшая жизнь. А потом ты стоишь на вершине побежденной горы и кричишь во всю силу легких, как обезумевший от любви Тарзан. Ты смог, ты победил, ты, если пожелаешь, способен потрогать руками облака. Ни с чем не сравнимое ощущение.

На исходе второй недели отпуска Чубов так разухарился и поверил в свои альпинистские силы, что, толком не осознав, что произошло, умудрился нарушить все правила элементарной безопасности, за что и поплатился. Он самым пошлым образом рухнул с приличной высоты и сломал себе ногу. Спасибо, что не шею. Имел все шансы остаться в горах навсегда. Отпуск был испорчен моментально. Обидно было до соплей. Но винить в том, что произошло, было некого. Спасибо, друзья-приятели не оставили в беде. Кряхтя, ругаясь, не скрывая своих эмоций по поводу поведения дилетантов в горах, они дотащили несчастного пострадавшего до ближайшей местной больнички.

Чернявый молоденький эскулап загипсовал его несчастную и ни в чем не повинную ногу в гипсовый сапог и посоветовал горе-альпинисту немедленно отправляться домой. Погрузили Чубова в самолет, как последнего инвалида, правда, с шуточками-прибауточками и всяческими наставлениями довольно фривольного свойства. Страха не было. Подумаешь, перелом. Противно, конечно, больно, неудобно очень, но все это ерунда, дело времени, заживет. Что значит молодость! Было жалко, что весьма банальным способом, из-за собственной самоуверенности, он испортил такой замечательный отпуск.

Через три дня нога стала болеть как сумасшедшая, потом вокруг гипсового сапога образовалась жуткого вида сине-красная опухоль. С каждым днем опухоль увеличивалась на глазах, скоро его несчастная нога превратилась в чудовищную загипсованную тумбу. На исходе третьей бессонной ночи Чубов понял, что шутки кончились. Как это ни прискорбно, без больницы не обойтись. Пришлось вызвать «скорую», потому что терпеть эту дергающую боль не хватало сил.

И тут, как в кино или во сне, на вызов приехал московский ангел во плоти. Когда в дом вошла врач, Чубов не находил себе места и в сотый раз проклинал и себя, и мужскую дружбу, и все горные вершины по отдельности и вместе взятые. Ему хотелось только одного: чтобы ему сделали укол и он наконец заснул. Ну не космонавт же он, в самом деле, чтобы не спать по трое суток, корчась от дергающей боли! Когда в дом вошла Лера, он сразу и не понял, что произошло. Это было как шок, как тотальная психотерапия, как обвал. Хрупкая, очень молодая, какая-то незащищенная красавица в белом халате спокойно и деловито вошла в комнату, за пять секунд поняла, в чем дело, быстренько позвонила куда-то по телефону и транспортировала несчастного покорителя горных вершин в ближайшую городскую больницу.

Лучше бы она отвезла его напрямиком в Кащенко. Какая нога, какой гипс, какая врачебная ошибка?! Ему сейчас не хирург был нужен, а лучший в мире психотерапевт. Он все был готов в эту минуту отдать за то, чтобы эта хрупкая красавица в белом халате осталась рядом с ним. Он бы даже не капризничал, не изображал из себя больного. Да черт с ним, он мог не поспать еще пять ночей! Подумаешь! Но красавица в белом халате, доставив его в больницу, исчезла, не попрощавшись.

Выздоровел Чубов в рекордные сроки. За все дни пребывания в больнице он не мог думать ни о ком и ни о чем, кроме милой докторши. Выписавшись, поднял на ноги весь город, все службы скорой помощи. Выискал свою судьбу. Вознаграждение за все. За годы пустых и глупых любовных историй. За все разочарования и время, растраченное попусту на пошлые неудачные романы.

Лерочка оказалась не только красавицей, но и умницей, которой ни разу в жизни не пришло в голову задать мужчине знаковый и совершенно бестолковый по своей сути дамский вопрос: «А кто вы по гороскопу?» Обычно озверевший от женской тупости Чубов рубил сплеча: «Лось». Может быть, это было и грубовато, но есть же предел человеческой глупости! Что-что, а снобизм и глупость Валентин Иванович ненавидел всеми фибрами души. И никакой диплом о высшем образовании не играл для него ни малейшей роли, когда дело доходило до подобной чепухи.

Он тогда понял, что означает выражение: «не было бы счастья, да несчастье помогло». Улетая из Крыма со сломанной ногой, он чувствовал себя самым несчастным человеком в мире. Как же! Пропало лето. Все остаются, а он, последний неудачник по имени Костяная нога, летит домой. Полное фиаско.

Но кто мог даже в самых смелых мечтах представить, что элементарный перелом изменит его жизнь и подарит ему его Лерочку?

Вдруг с сиденья встала молоденькая девочка и вежливо обратилась к Валентину Ивановичу:

– Садитесь, пожалуйста!

Чубов сразу не понял, что юное создание обращается именно к нему. Он судорожно обернулся, надеясь увидеть за своей спиной немощную убогую развалину или хотя бы человека преклонных лет. За спиной было пусто. Обращались именно к его персоне. Петух гамбургский, павлин восточный! Распустил хвост, едешь в метро, улыбаешься сам себе, а у юных существ это, кроме жалости, оказывается, ничего не вызывает...

Это был удар ниже пояса. Ему, мужику в полном расцвете сил, любезно уступает место в общественном транспорте премилое существо лет восемнадцати. Катастрофа! Этого просто не может быть! Такого смятения он не испытывал давно.

Выхода не было. Пришлось поблагодарить девушку и сесть. Юная красотка выпорхнула из вагона и исчезла из его жизни, даже не догадываясь, какой сокрушающий удар она нанесла. Что? Все? Тебе уже уступают место в метро? Поздравляю, Валентин Иванович! Какой кошмар. Еще вчера первый курс МАИ, модная шляпа для солидности и трубка, чтобы казаться веселее и старше! Футбольные матчи на пиво в местной забегаловке под громким названием «Пиночет». Разгульные вечера в общаге, ибо родители решили, что ты взрослый и самостоятельный. Главная песня неизвестного автора для всех студентов славного вуза: «Ты помнишь, как водку из банок хлебали из-под баклажанной икры? – и дальше, с пафосом первокурсников-«козерогов»: – Недаром кусочек лазурного неба сияет у нас на груди...» Хотя до кусочка лазурного неба нужно было пахать еще почти шесть лет.

И вот те здрасте! «Дяденька, садитесь, пожалуйста». Хорошенький итог. Никогда не страдал от недостатка женского внимания. Но внимание это было несколько иного свойства. Его не жалели и не просили присесть, ему симпатизировали, его желали, его добивались. Он к этому привык. Даже сегодня на работе девчонки на вечеринках устраивают конкурс под условным названием: «Кого выделит из женского общества начальник?» И вот тебе, Чубов, голая правда жизни. Работа есть работа. Лицемерят твои дамы-коллеги. Или тешат твое мужское самолюбие, подхалимничают помаленьку. А тут в метро независимый эксперт мимоходом, не задумываясь – раз! Подвел итог твоей жизни, определил твое место в возрастной категории. А место печальное – скамейка запасных и не в игре, а по жизни.

Привет всем! Прощай, молодость, здравствуй, старость! Не готов? А никто не готов! Смирись! Осмысли все происходящее и – вперед! Только повнимательнее. Может быть, не стоит так уж сильно огорчаться? Двадцатилетним все, кто старше тридцати, кажутся стариками. Поэтому не стоит волноваться и корить девочку за непонимание. Она просто хорошо воспитана. А несмотря ни на что, все равно грустно. И немножко смешно. А смешно опять же от нажитого опыта и мудрости. Выходит, девочка права! Ха-ха и три ха-ха! Поздравляем

вас со старостью, Чубов Валентин Иванович. Это называется – первый звоночек прозвенел неожиданно.

Вот в таком полулирическом двойственном настроении Валентин Иванович приехал домой. Почему-то этот смешной случай в метро, который не стоил выеденного яйца, не выходил из головы. Надо будет жене рассказать, ей должно понравиться, вместе похохочут. Чубов принял душ, выпил крепко заваренного чайку и отправился спать. Завтра на работу, нужно быть в форме.

Лерочке он уже сегодня звонил, хотелось, конечно, поговорить с любимой, но не стоило ее беспокоить по пустякам, поздно уже. У нее в санатории режим, соседка по комнате. Через пару недель они снова будут вместе. Пусть отдыхает малышка.

Не успел он положить голову на подушку, как раздался резкий телефонный звонок.

Господи, кому не спится в такое время? Что могло случиться? – раздраженно подумал Чубов и снял трубку.

– Алле. – Голос был старческим, дребезжащим, абсолютно незнакомым и ужасно противным.

Валентин Иванович не сомневался, что кто-то ошибся номером.

– Да, – автоматически и несколько раздраженно ответил ночному абоненту.

– А вы не интонируйте, мужчина, не интонируйте, это не в ваших интересах, – мерзко проскрипело в трубке, – думаю, вас заинтересует информация, которую я хочу вам сообщить. – Неведомый собеседник неожиданно закашлялся. Кашель показался Чубову таким же противным, как и голос.

– Вы не ошиблись номером? – железобетонным голосом поинтересовался Валентин Иванович. – Кто вам нужен? Вы понимаете, который час на дворе? А завтра рабочий день, между прочим. – Честно говоря, он и сам не понимал, почему до сих пор не положил трубку и не отключил телефон. Что-то было в этом противном голосе, какая-то опасность.

– Слушайте меня, и будете мне благодарны, – проскрипело в ответ.

Валентин Иванович напрягся. Мерзкий тембр и настойчивость звонившего таили угрозу. Уж больно абонент оказался настойчивым и уверенным в себе.

– Слушаешь меня, сынок? – хихикнуло бесполое существо на другом конце провода. – Ты знаешь, где твоя жена? – Вопрос был неожиданным, тем более что задавал его человек, которого он не знал и который никаким образом не вписывался в их жизнь.

– В доме отдыха, в санатории «Красоты Подмосковья», – непонятно почему очень послушно отрапортовал Чубов. Скорее всего, от неожиданности.

– Блажен, кто верует! – Бестия неожиданно заговорила высоким стилем. – Нет там твоей жены, чтоб ты знал. – Существо противно захихикало на другом конце провода. – Она приехала, да, побыла три дня для отмазки и смылась, чуешь, олень с ветвистыми рогами? Врет она тебе, красотка-то твоя. А ты – рогоносец! И неудачник! Людям добрым спасибо скажи, что сообщили тебе новость и глаза открыли на твоего обожаемого ангела во плоти. А она не ангел. Сатана в обличье людском! Гореть вам вместе в адском огне! Аминь! – После этого незнакомец захохотал, перешел на нездоровый визг.

Телефонная трубка равнодушно задышала короткими гудками. Ничего себе – ночной сюрприз. Только не хватало, чтобы сумасшедшие лишили его покоя. Сон и блаженное состояние испарились мгновенно. Что это? Он только сегодня вечером звонил жене, и все было как обычно. Лерка не такая. Она умница, умеет себя вести при любых обстоятельствах, ему ни разу в жизни не было стыдно или неловко за свою жену. Что за дурацкий звонок? Что это значит? Какая темная сила врывается в его жизнь и пытается выбить почву из-под ног? Это мистика какая-то. И потом, все подобные страсти уж точно не из его жизни. Так не бывает. А сон все не шел и не шел. Страх не было. В Лерке он был уверен на все сто. Но в таком случае что

это? Кому и для каких целей понадобилось нести полную ахинею? Что за глупые шуточки с подлым подтекстом?

Наконец, перебрав в уме варианты, Чубов пришел к выводу: весь этот бред – чей-то глупый розыгрыш. Подмяв под себя подушку, решил, что лучше всего в этой ситуации выбросить глупости из головы и хорошенько выспаться. Не успел закрыть глаза, как опять затрезвонил телефон.

– Спишь, не поверил? – задребезжал тот же гнусный голос. – А ты не поленись, приезжай в санаторий. Многое поймешь. С праздником, придурок! – На том конце провода опять паскудно захихикали.

Чубов осатанел. Он сам в детстве иногда невинно хулиганил по телефону. Но то, что сейчас происходило, было выше человеческих сил. Какая-то тварь лишала его покоя, утверждая, что его жена предательница. Нет, такие шуточки не прощаются. Это слишком серьезно.

– Ты кто, гадина, отзовись! – начал орать Валентин Иванович как сумасшедший. – Что я тебе сделал? Что тебе нужно? Отстань от меня! Я с умалишенными не разговариваю. Я тебя, сволочь, найду и руки-ноги поотрываю, понятно? Понятно, я спрашиваю?! – Чубов был настолько зол, что почти не владел собой.

– Очень смешно, мужчина. Кто вам дал право меня оскорблять? Вы мне должны свечку поставить в лучшем храме и молиться за меня пожизненно, а вы орете как ненормальный. Я ваш добрый ангел. Вы мне еще спасибо скажете, хотя сейчас и не понимаете, что происходит, а может, и денег дадите, – продребезжало в ответ, и в трубке вновь раздалась четкие и вполне реальные гудки.

Конечно, сегодня не Рождество, а всего лишь Седьмое ноября, да Валентин Иванович давно не верит в чудеса, даже в большие праздники. Что за бред собачий? Кто-то среди ночи звонит и пытается доказать, что его жена ему не верна? Но это же самый настоящий абсурд. Жена Цезаря вне подозрений. Но с другой стороны, откуда неизвестный «доброжелатель» знает номер его домашнего телефона? Имя и место нахождения его жены? Зерно сомнения дало свои гадостные ростки. Валентин Иванович промаялся всю ночь: то ли спал, то ли не спал, то ли что-то снилось, то ли мысли после вечеринки плыли в порядке бреда. Настроение было испорчено. Если незнакомец ставил перед собой цель вывести Чубова из равновесия, он своего добился.

Глава 2

Утром совершенно разбитый, в довольно странном для себя состоянии, Чубов отправился на работу. Благостное вечернее настроение смело одним махом. Мало того что физически он чувствовал себя не очень хорошо после вечеринки и практически бессонной ночи, все время бередил нервы звонок ночного идиота. Или все-таки идиотки? Голос был явно старческий, но определить пол говорящего Валентин Иванович затруднялся.

Трудный случай. Хотелось не обращать на происшедшее внимания, наплевать и растереть, но сердце скулило как-то по-щенячьи. Умом он понимал, что это бред, чушь невообразимая, чья-то жестокая шутка, но проклятый разум заставлял думать и анализировать каждое слово, произнесенное ночным негодяем.

Он, конечно, верит своей жене, эта сторона вопроса не обсуждается. Но с другой стороны, что за звонок? Ведь ничего не бывает просто так. Врагов у них нет, по крайней мере тайных. Правда, нынче, как оказалось, появился неизвестный «доброжелатель». Этому должна быть какая-то причина. Чертовщина какая-то, честное слово. Он должен разобраться, что происходит, и прекратить безобразие. Неизвестно, чего добивается незнакомец, но вывести его из равновесия этой бестии удалось.

– Что-то ты, Иваныч, выглядишь сегодня как-то не очень. У тебя все в порядке? – поинтересовался мимоходом его первый заместитель и давнишний друг Алексей Николаевич Могилевский. – Неужели умудрился Лерке изменить в праздничном угаре? Не ожидал, не ожидал, – посетовал он с видом старого сплетника. – Девочка только неделю в отъезде, а ты, старый ловелас, ударился в разврат? С кем зажигал, расскажешь?

Вот так всегда. Умница, специалист, каких поискать, замечательный друг, а ерничает по поводу и без повода постоянно. Такой характер, ничего не поделаешь. Многие его не понимают и частенько обижаются на его шуточки и подковырки. Тем более что произносит фразы Могилевский строгим голосом и делает при этом серьезное лицо, даже глаза не смеются. Алексей не смог побывать на вчерашней вечеринке, теперь наверняка жаждет подробностей.

– Я тебе потом все объясню, – отмахнулся Чубов. – Мне не до ваших хи-хи, Алексей Николаевич. Сейчас планерка пройдет, зайди ко мне. Мне совет нужен.

Алексей, как истинный друг, примчался в кабинет Чубова сразу после планерки.

– Ну давай колись, дружище, что могло случиться за выходные? Только без страстей, ты знаешь, я этого не люблю. – Он вольготно развалился в кресле и вкусно затянулся сигаретой.

Чубов не знал, с чего начать. С одной стороны, если посмотреть с точки зрения здравого человека, что особенного произошло? Ну, позвонил ночью неизвестный придурок и наговорил гадостей! Подумаешь! Таких ненормальных сейчас пруд пруди. У несчастного, решившего испортить ему настроение, наверняка осеннее обострение. Не может нормальный человек совершать подобные действия. А телефон... что телефон? Сейчас можно получить любую информацию о каждом с легкостью необыкновенной. Скотал на Горбушку, прикупил дискеточку – и вот вам, пожалуйста! Любой адрес и нужный номер телефона у тебя в кармане. Развлекайся в меру пристрастий сколько душе угодно. Прогресс и жулики не дремлют. Они всегда впереди планеты.

И внимания не стоит обращать на этот странный ночной звонок, вернее, на два звонка. Почему же так тревожно и противно на душе? И с кем-то поговорить хочется. Алексей – самый подходящий для этого человек. Во-первых, не болтун, во-вторых, они знакомы сто лет, в-третьих, вполне реальный человек. Ампула у него такое – весельчак-разговорник, но это наносное, внешнее. Болтает много, говорит мало. Защитная оболочка у него такая. Может, что-то дельное и посоветует.

– Ты понимаешь, старик, какая история со мной приключилась. Сегодня ночью раздался очень странный звонок, – начал Валентин Иванович.

– О, как интересно. И что дальше? Старая любовница звонила? – с нескрываемым сарказмом перебил Могилевский.

– А дальше начался сплошной маразм. Дослушай сначала до конца, потом будешь комментировать. Непонятная субстанция, то ли она, то ли он – сообщил, что Лерка моя сейчас находится не в санатории, а неизвестно где и неизвестно с кем. И вообще – она собой представляет чудище подлое и страшное, а я являюсь заслуженным рогоносцем страны, – с тяжелым вздохом произнес Чубов.

– Иваныч, а ты вчера того, не перебрал маленько, уж скажи по-дружески, не таись. Я же кремень, ты знаешь. Может, тебе всего-навсего опохмелиться нужно? Полегчает сразу, верняк. Со мной так сто раз бывало. Сразу говорю, не надо меня пугать, я волнуюсь. Несешь с утра какой-то бред и физиономию при этом корчишь трагическую. Я ждал, если честно, откровений, думал, гульнул без жены, а ты мне, как баба худая, несешь какую-то херь. Ты не волнуйся. Давай сначала и по порядку. Я же вижу, что ты не в себе. Мне врать не надо. Изменил Лерке, так и скажи. Это, доложу я тебе, фигня, чистая физиология. Не влюбился, надеюсь?

Могилевский категорически не собирался настраиваться на серьезный лад и рассыпаться в сочувствиях по глупому, на его взгляд, поводу. Чубов слишком хорошо знал и любил этого человека, чтобы обижаться по пустякам. Наверное, он просто не смог правильно объяснить ситуацию.

– Так, собака страшная, слушай меня внимательно. Не изменял и не собирался даже. Ты же знаешь, я Лерку люблю. А теперь сосредоточься. Сегодня ночью мне позвонили и сообщили гаденьким голосом, что жены моей в санатории нет и что она вообще сатана в людском обличье, смело? – Валентин Иванович пристукнул кулаком по столу.

– Нет, я всегда догадывался, что ты идиот. А позвонить Лерке и все выяснить нельзя? Чей-то неудачный розыгрыш не стоит таких страданий. Я же вас тысячу лет знаю. Я что, не в состоянии отличить счастливый брак от несчастного? Ты вообще в своем уме? Это шантаж, Чубов, самый примитивный шантаж. Все игры шантажистов раскрываются очень просто. Элементарной проверкой на вшивость. Позвони Лерке, если есть сомнения. Не хочешь звонить жене, позвони в санаторий администратору, съезди туда, в конце концов, ближайшее Подмосковье, полтора часа на машине. Чего дурака валять? И придумывать себе всякие страхи? Не понимаю я тебя, Чубов. – Могилевский перестал веселиться и нахмурился.

– А вот ты скажи, какой гадине нужно было узнавать мой номер телефона и нести всю ночь ахинею? Что-то нехорошо мне, Алексей. И верится и не верится, и душа стонет и болит, – пожаловался Валентин Иванович.

– Это она у тебя после праздника жизни пива просит, а тебе кажется, что болит. Старик, не морочь мне голову. Нашел проблему. – Могилевский пожал плечами.

И на том спасибо. Мог бы и пальцем у виска покрутить, с него станется.

– Ладно, спасибо, успокоил, друг. Давай работать. С лирикой и душой покончено. – Чубов рассердился не на шутку. То ли на себя, то ли на Алексея, в котором не нашел ни сочувствия, ни поддержки. Он и сам хорошенько не понимал до конца своих чувств.

– Ты не груби, старик. Если что, я весь ваш. Только я на твоём месте выкинул бы весь этот бред из головы и не вспоминал. Тем более – не советую об этом кому-нибудь рассказывать, засмеют. Подумаешь, проблема. Ты же не Петя Иванов. Ты человек видный, известный. В бизнесе довольно удачный. – Могилевский постучал костяшками пальцев по столу и сплюнул через левое плечо. – Тьфу, тьфу, тьфу, чтоб не сглазить. Думаешь, у тебя нет врагов или конкурентов? Так не бывает. Разыграли тебя, как пионера, подлые завистники, а у тебя мысли всякие, нервы. Так дело не пойдет. Абсолютно неправильная линия поведения. Чего истерить? Повторится эта грязная возня, город перевернем и найдем шантажиста, ноги ему

повыдергиваем и уши открутим. Делов-то. Вот у меня настоящий копец вчера произошел, – почти радостно поведал Алексей.

– А у тебя что? Только не говори, что Татьяна заставила тебя ковры в химчистку сдать или пива не разрешила вечером выпить. Знаем мы ваши страдания, не первый год замужем, – хмуро и недовольно ответил Чубов.

– Старик, хуже! – Могилевский театрально закатил глаза. – К нам на выходные теща любимая приезжала.

– Поздравляю, ситуация предельно ясна, подробности представить проще простого, – довольно вяло отреагировал Чубов.

– Да ничего ты не представляешь! – завопил Алексей. – Это же не женщина – это стихийное бедствие. С ней вечно что-нибудь происходит, а уж если она появляется на горизонте, непременно жди локальный взрыв приличной мощности, и, как правило, не один. Что самое прискорбное в этой ситуации, какова бы ни была направленность взрыва, осколки непременно летят в мою сторону. Вот и в этот раз она каким-то макаром умудрилась цепочку на шее порвать. Цепочка с крестиком на пол упали. Цепочка сразу отыскалась, а крестик закатился куда-то. Ну, сразу паника, поиски, крики о помощи. Естественно, вся наша доблестная семейка во главе с мамой бросилась бабушке на помощь. Все перевернули, все облазили – нет крестика. Так увлеклись, что начали мебель двигать. Потом Татьяне пришла в голову гениальная идея матрасы зачем-то перевернуть. А у меня там, – голос Алексея превратился в трагический полусшепот, – заначка! Год собирал!

Чубов захохотал как ненормальный. Все тревоги отодвинулись куда-то далеко. Это не человек – это ходячая катастрофа. Каждый эпизод его жизни – неплохой сюжетец для небольшого рассказа.

– Я так и знал. – Алексей обиделся по-настоящему. – У человека горе, а он ржет как конь. Друг называется. Выслушал, утешил, ободрил. Настоящий товарищ. Большое человеческое мерси за участие, понимание и поддержку. Я стал практически банкротом, а ему весело. Вот и поделись с человеком своими проблемами. Друг готов рвать волосы на всем теле, а некоторым очень весело. Это же не анекдот, Чубов, это страшная правда жизни.

– Я тебе, Могилевский, не перестаю удивляться, честное слово. Ты же цивилизованный, современный человек, ворочаешь огромными деньгами, проворачиваешь крупные сделки, хорошо зарабатываешь. И вдруг заначка. Это слово из другой жизни, дружище, не из твоей. Это твой папа, который вкалывал на заводе день и ночь, имел полное право заначить два рубля от собственной жены на чекушку. А ты должен иметь сейфовую ячейку в банке, и тогда не придется лишний раз обижаться на тещу. Ты от меня ждешь сочувствия? Даже не надейся. Хочешь узнать мое мнение? Так тебе и надо. Все отобрали? Колись. – Настроение у Валентина Ивановича изменилось. Он никак не мог побороть приступы смеха. Он хорошо знал всех членов семьи, легко мог себе представить замечательную картину и понимал, какие страсти кипели в теплом семейном кругу.

– Татьяна поступила честно и благородно. Не скандалила, даже очень наоборот. Знаешь, как обрадовалась, когда две толстенькие пачечки сто долларовых купюр обнаружила? Поделила денежки пополам, по справедливости, – развел руками Алексей и глубоко вздохнул. – Пятьдесят на пятьдесят. Но со своей доли пришлось теще на булавки отстегнуть, положение-то безвыходное. Но, понимаешь, Валентин, дело даже не в деньгах. Деньги – это ерунда, еще соберу. Главное – доверие и взаимопонимание. А теперь репутация моя изрядно подмочена. Вот в чем проблема. Представляешь, с каким остервенением мне придется биться за восстановление авторитета и прежних позиций? – Алексей Николаевич пригорюнился не на шутку.

– Тебе, мужик, крупно повезло с женой. Другая бы все отобрала и правильно сделала, между прочим. Не завидую, друг, честное слово, не завидую. Пропал ты, Леха, ни за что ни про что, как тот швед под Полтавой. Всю оставшуюся жизнь придется теперь доказывать, какой

ты честный, внимательный и порядочный. Слушай, у меня есть неплохая идея. Ты соври Татьяне, что старался ради нее, – предложил Чубов, продолжая смеяться. – Мечтал ей сюрприз сделать, манто, например, норковое или новую машину купить к Новому году.

– Иваныч, ты гений! Идея просто супер! Спасибо, спаситель ты мой! Век не забуду! – Алексей воспрянул. – Ладно, побегу, дел полно. А ты не морочь себе голову из-за пустяков. У тебя же есть определитель номера, вычислим мы этого шантажиста за пятнадцать секунд и намылим ему шею.

Чубов кивнул Алексею и не стал объяснять, что бывают случаи, когда вместо номера на дисплее высвечиваются красные черточки. В его случае именно так и произошло. Как только захлопнулась дверь за жизнерадостным Могилевским, раздался телефонный звонок из приемной.

Спокойный, доброжелательный голос секретарши сообщил, что Сергей Владимирович просит его принять. Серега Александров – третий человек в компании. Они все – три трудоголика, три друга – Валентин, Алексей и Сергей – начинали собственное дело с нуля и на сегодняшний день на жизнь и заработки не жаловались. Странно, что Александров просит аудиенции через секретаршу, практически официально. Что за китайские церемонии? Он что, Серегу не принял бы? Смешно, честное слово. Вице-президент компании имеет полное право заходить к шефу запросто. А тут такие сложности. Что могло произойти?

По работе вроде бы все стабильно, особых проблем не наблюдается. Может, дома что не ладится? Помнится, с месяц назад они были у Александровых в гостях, тогда оба родителя вели себя несколько странно. По крайней мере, на его взгляд. Дело в том, что их единственный сын Антон – умница, красавец, студент – познакомился с девочкой. Как истинный джентльмен, мальчик привел новую знакомую домой, представил ее родителям и торжественно объявил, что в Настю влюбился с первого взгляда и навсегда.

Бдительные родители переполошились до смерти. Все разговоры в тот вечер сводились к одной теме: «Ах, ребенок влюбился». Чубовых эта ситуация несколько не встревожила. Подумаешь, событие века. Все очень даже логично и естественно.

Ребенок вырос, к этому тоже нужно как-то себя подготовить. Сыновья и рождаются для того, чтобы принадлежать чужой женщине. Не может ребенок быть собственностью родителей бесконечно, рано или поздно он начинает свой жизненный путь. А все эти опасения, что любовь ему помешает учиться или заставит сотворить какую-нибудь глупость, – просто элементарный родительский страх. Кому любовь мешала? Глупости.

Они еще тогда с Леркой посплетничали на эту тему. Мол, всполошились, глупые родители. Подумаешь, проблема. Хорошая девочка, ровесница, студентка, из приличной семьи. Это первый плюс. Мальчик ничего от родителей не скрывает. Плюс второй. Радоваться надо, а мамашка с папашкой крыльями беспорядочно машут и страдают изо всех сил.

Это называется – горя не мыкали, привыкли, что ребенок всегда у ноги. Смешные, честное слово. А влюбись Антошка в какую-нибудь беспутную бабенку, да постарше себя лет эдак на шесть – десять, с детишками и богатой биографией? Сколько таких случаев, не счесть. И кстати, никто не застрахован от подобных насмешек судьбы. Да в конце концов, не мальчика же он привел в дом, а девочку!

Может быть, они были и не совсем правы, не им, как говорится, судить переполошившихся родителей, потому что судьба обделила их в этом смысле. Не дал им Бог наследников. Не может его Лерочка иметь детей. Вот такая грустная история: сама доктор, а помочь себе не в состоянии. За годы совместной жизни они предприняли не одну попытку изменить ситуацию, прошли через несметное количество обследований, лечений, санаториев... Потом смирились. Не может им сегодняшняя медицина помочь, в их случае она бессильна...

Тема эта в семье Чубовых больная, слез выплакано море, но что делать? Выше головы не прыгнешь. Они оба, не сговариваясь, после визита к очередному медицинскому светилу

и подтверждения неутешительного диагноза, перестали вести разговоры о ребенке. Тяжело, больно, но биться головой об стену, лить бессильные слезы и каждый раз рвать сердце на части – это тоже путь не очень продуктивный.

Сергей вошел в кабинет сам не свой. Бледный, встревоженный, нахохленный, как воробей в сильные морозы. Чубов давно не видел приятеля в таком состоянии.

Валентин Иванович понял сразу: случилась беда, не киношная, не наигранная, настоящая. Он даже не стал предлагать Сергею выпить чашечку кофе, молча достал из сейфа перцовку, две стопки, наполнил их янтарной жидкостью. Серега замер в кресле напротив истуканом, не подавая признаков жизни.

– Рассказывай, – протягивая стопку Сергею, произнес Валентин Иванович.

– Что рассказывать? – безжизненным голосом произнес Александров. – В наш дом пришло горе. – Стопка дрожала в его ладонях, кажется, он даже не заметил, что она оказалась в руках.

Чубов сначала не придавал значения этим словам. Мало ли что может произойти. Многие люди склонны преувеличивать масштабы бедствия. Он сам потерял равновесие из-за маленькой чужой подлой шутки. Семейство Сергея он знал очень хорошо. Счастливый брак, правда ранний, студенческий, но это не имело ровным счетом никакого значения. Прекрасная любимая жена, желанный сын-умница, студент престижного вуза, компьютерщик, на гитаре играет, маму с папой уважает, не доставляет особых хлопот. В доме много лет – любовь, взаимопонимание, мир и согласие. Что такого страшного могло случиться?

– Серега, не раскисай, раз пришел ко мне, давай выпьем по стопочке и рассказывай, что у тебя произошло. Ты же мужик. Ты помнишь, в каких мы переделках бывали? Я тебя не узнаю, честное слово. Давай колись, излей душу, станет легче, я знаю. – Чубов поймал себя на мысли, что разговаривает с приятелем как не самый талантливый врач-психотерапевт, к тому же не слишком уверенный в своих силах. Стало противно на душе, тон был найден неверный. Это он почувствовал сразу.

Сергей поставил рюмку на стол, руки дрожали, каким-то нелепым, не свойственным ему жестом взъерошил волосы, потом зачем-то проверил карманы пиджака, с недоумением глянул на свои освободившиеся ладони, положил их на стол и уставился незрячим взглядом в окно.

Чубов понял – произошла катастрофа. Серегу он знает сто лет. Они выросли в одном дворе, ходили в одну школу, вместе поступили в МАИ и закончили один и тот же факультет. Их биографии отличались только тем, что Сергей после окончания института ушел служить офицером на два года. Благополучно отслужил, вернулся домой, а тут нагрянули идеальные времена, когда можно было развернуться во всю силу своего таланта. Чем, собственно, три друга-соратника и занялись. И кстати, все у них получилось.

Компьютерный бизнес принес хорошие плоды. Удалось выплатить кредит, встать на ноги, и на сегодняшний день, по большому счету, грех было жаловаться на жизнь. В этой области они сейчас одни из первых на рынке. Да, было тяжело, неизвестно что ждало впереди, но молодой энтузиазм, вера в себя, плечо друга – все это сыграло свою роль и сделало их не последними людьми в обществе.

У Сереги всегда все было замечательно, как в пособии по правильной жизни. Умница красавица жена, желанный сын – дитя любви, вырос, как тому полагается, обаятельным современным молодым человеком, подающим большие надежды в математике и музыке, ласковым, чудным ребенком.

Чубов обожал Антона. Ни одного дня не жалел, что стал когда-то по молодости и бесшабашности его крестным отцом. Кто тогда отдавал себе отчет, какую сложную миссию он на себя возлагает, принимая эту роль? Все росли материалистами и сдавали на «хорошо» и «отлично» зачеты и экзамены по научному атеизму. Церковь, религия – были так далеко, да и

не возникало особенного желания что-то понимать. Но так случилось, что Антона крестили, а Валентин взял на себя роль крестного отца.

Сергей поднял голову, взгляд его был затуманен и странен, как у тяжелобольного человека.

– Антон ушел из дома, – скрипуче прошелестел он.

– То есть? – Чубов довольно быстро взял себя в руки. – Подумаешь, проблема века, сын загулял. Дело, как говорится, молодое. Дети вырастают, опережаются, ищут свой путь в жизни. Не все время им барахтаться в родительской колыбельке. К Насте, наверное, ушел. Загрызли парня, моралисты проклятые. Вы же эгоисты с Маринкой по отношению к собственному сыну. Вам бы все держать да не пущать, путаетесь у человека под ногами. Свободы ребенка лишили и права выбора. Все диктуете, как правильно жить, а про возраст-то забыли. Ему уже пора не диктанты писать, а сочинения на вольную тему. Двадцать два года пацану, пора крылышки свои выпускать. Завис у девушки, забыл про все на свете. Подумаешь, катастрофа.

Чубов автоматически нес несусветную чушь, понимая, что не все так просто, он чувствовал, в Серегину семью пришло настоящее горе, это не главная новость, продолжение будет. Сергей криво усмехнулся.

– Девушка – это было бы здорово. Хотя девушка есть, и, как выяснилось, не одна. Причем обе беременны. Но это все карамельки, Валентин. – Сергей опять уставился невидящим взглядом в окно. Было видно: человеку тяжело невероятно.

– Что у нас не карамельки? – ошарашенно спросил Чубов. Ничего себе заявочки.

– Наркотики, Валя, – тяжело выдавил Сергей. – Мой сын наркоман, и к тому же подрабатывает распространением этой гадости. – Предложение было коротким, но таким страшным по своей сути, что в это было невозможно поверить.

В кабинете повисла тяжелая пауза. Чубов онемел. Поверить, что Антошка, которому он подарил в три года дудку и самый большой барабан, какой нашелся в «Детском мире», чтобы родители и воспитатели в детском саду не теряли навыки по воспитанию подрастающего поколения, а потом учил худенького и смешного мальчишку вместе с отцом первым лыжным и конькобежным шагам... Нет, это все неправда, этого не может быть, потому что не может быть никогда!

Юноша с ясным и светлым взором, разбирающийся в современной литературе, с языком как у Цицерона, интеллектом, который виден за сто километров, студент престижного института – и вдруг это страшное, из другой, запредельной жизни слово – наркоман.

– Ты уверен? – резко спросил Валентин Иванович. – Может быть, ты ошибаешься? Родительский комплекс. «Отцы и дети», незабвенный Тургенев и всякое такое? – Валентин Иванович хватался за соломинку.

– Валя, я уверен. – Серегу словно прорвало. – Сначала мы с Маринкой просто не могли понять, что с парнем происходит. Думали, в девках запутался. Все ждали, когда рассосется само собой. Как же, мы же самые либеральные и все понимающие родители на этой планете. Нельзя обидеть нежную душу ребенка недоверием или подозрением. – Серега неожиданно изо всех сил стукнул кулаком по столу. – Идиоты мы, тупицы, а не родители! На коротком поводке держать нужно было, а не либеральничать. И в жестком ошейнике. Карманы выворачивать, записки читать. И сайты проверять. А мы все: «Антошечка, у тебя все в порядке? Зачеты сдал? Поел?» – Сергей вдруг уронил голову на стол, плечи его затряслись, выдавая мужские рыдания.

– Серега, так дело не пойдет. Возьми себя в руки, ты же мужик! И рассказывай все по порядку! – почти гаркнул Чубов. Он интуитивно ощутил, что сейчас нельзя жалеть друга. Нужно разобраться, может быть, все не так страшно, как говорит Сергей.

– Нечего рассказывать, – обреченно проговорил Сергей. – Сначала деньги стали из дома пропадать. Мы с Маришкой никогда деньги не прятали и уж тем более – особенный учет не вели. Положили в тумбочку на хозяйственные нужды в начале месяца энную сумму – и все.

Ни для кого в семье это не было секретом. Поначалу думали, что ошибаемся или забыли про какие-то покупки. Потом поняли, что это тенденция. – Сергей говорил монотонно, без интонаций, словно зомби.

– Поговорили с Антоном? – Чубов почувствовал, что у него неожиданно вспотели ладони.

– Конечно поговорили. Ангельский взор, все отрицает. Ничего не видел, ничего не знает, денег не брал. Потом друзья какие-то непонятные завелись. С виду ребята ничего, вполне благополучные, но чуял я нутром, не поверишь, падшие ангелы! – Сергей поймал на себе внимательный взгляд приятеля и торопливо продолжил: – Нет-нет, я не оправдываю своего, но ты же знаешь, как он воспитан. Друг превыше всего, кодекс чести и прочая ерунда. Только кодекс шиворот-навыворот получился. Будь я проклят, лучше бы хапугу и вора вырастил, чем сейчас каждую секунду знать, чувствовать каждой жилочкой, всей кожей, что Антон в беде, а я ему ничем помочь не могу. И самое страшное – не хочет он от нас эту помощь принимать. Он уже не наш, он далеко, по ту сторону. И не достучаться до него, не докричаться. – Сергей затрясся в беззвучных рыданиях. Жидкость из стопки, которую он зачем-то машинально взял в руки, стала выплескиваться на колени.

– Серый, прекращай истерить. Ты сейчас на худую бабу похож. Излагай все четко и ясно. Мы вместе сумеем тебе помочь. Во-первых, деньги – это еще не показатель. Мало ли, на престижный ночной клуб не хватило или девушке на подарок. Может, к казино пристрастился. У вас попросить было неловко. Так бывает. Другие факты у тебя есть? Что ты у меня бьешься в судорогах, как беременная институтка? Выкладывай всю информацию. – Чубов отобрал у приятеля рюмку, добавил в нее перцовки.

– Выпей, успокойся, давай излагай все по порядку. Может, он к любимой девушке ушел? Ревновали небось? Гнобили мальчика изо всех родительских сил? Не такая, мол, не сякая. Я ведь вас знаю, вам принцессу подводного царства подавай, не меньше. Вот и перегнули палку. А у парня любовь. Забыл, в каком возрасте сам женился? Да выпей ты, в конце концов! – прикрикнул он на приятеля.

Сергей выпрямился, криво усмехнулся. Улыбка больше смахивала на гримасу.

– Эх, Чубов, мыслишь ты по-старому. Уберег тебя Господь, пожалел, не дал детей! Да если бы все было так просто! После того как стали пропадать деньги, мы это дело взяли под жесткий контроль. И тут стали происходить странные вещи. Мальчик наш изменился до неузнаваемости. Настроение у Антона менялось каждые пять секунд. То он не отходил от Маришки, словно ласковый телок, то неожиданно без всяких причин и предупреждения пропал на целые сутки, а то и двое.

– А телефон? Не в каменном веке живем, забыл? – Валентин Иванович старался говорить спокойно. Ситуация ему не нравилась все больше и больше.

– Ты прав, не в каменном. Но телефон блокируется элементарно. Знаешь, как страшно слышать всю ночь этот мертвый голос: «Абонент недоступен, перезвоните позже». И самое страшное, Валя, ты даже себе представить не можешь – огромный город, миллионы людей вокруг, а ты не знаешь, куда бежать и кого звать на помощь. Ты абсолютно бессилен. И когда твои силы на исходе, ребенок появляется как ни в чем не бывало. Ты в один миг забываешь обо всем. О бессонных ночах, о том, что нужно его наказать каким-то образом. Одна мысль пульсирует в мозгу: «Жив, вернулся домой». Потому что за ночь ты умудрился обзвонить все службы, начиная «скорой», заканчивая моргами. Представить себе десятки раз, как он валяется где-то с пробитой головой... – Сергея опять затрясло. Хоть врача вызывай.

– Хорошо, я понимаю, что вы пытались найти ответы на вопросы. Он сам как-то объяснял природу своих поступков? – Чубов решил разобраться в ситуации. Пусть сейчас Сергею невероятно больно, но очень хорошо, что он пришел к нему со своей болью.

– Куда там? Упрется взглядом в стену и молчит. Мы с Маринкой вокруг и так и этак, и лаской и таской. Результат нулевой. А то вдруг усмехнется снисходительно: «Что вы так волнуетесь, родители? У меня все отлично». Никогда представить себе не мог, что у моего сына вместо сердца кусок льда. Маринка плачет целыми днями, а ему все равно. Даже выражение лица не меняется.

– Почему молчал, почему не бил во все колокола? Я вам что, чужой? С вами не хочет разговаривать, может быть, мне открылся бы? – Чубова потихонечку начало колотить.

– Думали – сами справимся. Потом повестка из военкомата пришла. Как гром среди ясного неба. Как так, почему? У него же отсрочка по учебе на пять лет. Все своевременно оформлено, справки все предоставлены, какие проблемы? Помчался в военкомат сам, как чувствовал, неспроста это все. Маринке ни слова не сказал, и так вся на нервах.

– И что?

– Правильно вызывают, Валя. Отчислен наш гений из института уже два месяца назад за неуспеваемость и постоянные прогулы. И бумажка из военно-учетного стола давно дошла по нужному адресу. На призыве наш мальчик, вернее, уже в розыске. Родина ждет не дожидается, когда наш герой отдаст ей свой гражданский долг. Вот такие дела. – В голосе Сергея звучали тоска и обреченность.

– Насте звонили? – Чубов пытался лихорадочно сообразить, что необходимо предпринять в первую очередь и в какую сторону бежать искать помощь.

– Конечно позвонили. Ей самой первой и позвонили. Только бы лучше этого не делали. – Сергей теперь смотрел Валентину Ивановичу в глаза, даже не моргал. В них было столько боли и тоски, что сердце не выдерживало.

– Господи, почему?

– Девочка приехала к нам вся в слезах. И тут стали выясняться такие подробности, что у нас волосы встали дыбом! Оказывается, наш рыцарь без страха и упрека давно ее бросил без объяснений причины. Просто прекратил с ней общаться – и все. А девочка беременна от нашего мальчика. Стали с ней разговаривать и слово за слово выяснили, что наш ребенок еще и травку покуривает давно и регулярно, и синтетикой на дискотеках не брезгует. Она, мол, пыталась с этим бороться, но безрезультатно.

– Может, девочка от обиды все эти жуткие подробности выдумала, старается вам побольше сделать, оттого что у нее не срослось все по жизни? Элементарным образом мстит за то, что Антон ее бросил. Насколько я понимаю, про наркотики вы впервые услышали от Насти, так? Сами вы замечали что-нибудь странное, непривычное? Из того, что я от тебя услышал, понять не могу, почему вы сделали такие выводы.

– Да нет. Там особых знаний по психологии не требуется, чтобы понять правду. Ребенок наивный, очень честный и порядочный, любит нашего Антона без памяти. Готова ради него на все. Твердо решила родить и воспитывать ребенка от любимого. И про наркотики она не врет, я это твердо знаю. Короче, полная засада.

Сергей замолчал. В кабинете наступила тишина. Не хватало воздуха, хотелось кричать от бессилия.

– Сергей, вот что. Ты давай поезжай домой к Маришке. Кстати, тебе не приходила в голову мысль пойти в милицию и написать заявление? – спросил Чубов.

– Мне приходила такая мысль в голову миллион раз. Но, если честно, во-первых, я не обольщаюсь насчет того, что они сейчас все бросят и будут искать моего сына. Во-вторых, я не могу представить себе Антона за решеткой, физически не могу. Допустим, милиционеры найдут Антона, а если заодно стражи порядка обнаружат наркотики у него в карманах? Мне думать об этом невыносимо. Я должен разобраться во всем сам, это я знаю твердо. Но помощь мне нужна. А потом, я же тебе говорил, в доме не осталось ни одной его фотографии. Что я приложу к заявлению? Словесный портрет?

– Послушай, я как-то особо не обращал внимания, но краем уха слышал, что есть какие-то клиники, службы психологической поддержки. Нужно же с чего-то начинать. Нельзя сидеть просто так и ждать, когда все само собой встанет на свои места.

– Эх, Валька-Валька, наивный ты человек, – горько усмехнулся Сергей, – забыл, в какой стране живешь? Думаешь, мы все эти дни сидели сложа руки? Ситуация патовая. Службы есть. И психологические, и наркологические, и разные телефоны доверия. Только там в выходные работает один автоответчик, а с ним особенно не поговоришь. Нашли единственную больницу во всем городе, где ничего не нужно было объяснять. Вот там работают круглосуточно и без перерыва. Только добрая душа из регистратуры объяснила нам, дуракам, что, как только анализы подтвердят наши опасения, парня поставят на учет. Дальше, надеюсь, ничего объяснять не надо?

– Все, я понял. Ты прямо сейчас отправляйся домой. А я постараюсь разобраться в ситуации. То, что ты не пошел в милицию, может быть, и правильно. Но сейчас задача номер один: разыскать Антона и вернуть домой. Значит, что? Обзвони все детективные агентства, найди толковых ребят. Это сейчас самое главное. Пусть тебе его приведут на веревочке, а там уж будем думать, что делать дальше. Держись, Серега, сил потребуется много. И Маринке не давай убиваться. И еще – будь все время на связи. Ты меня слышишь? Телефон не отключай и держи при себе. А я постараюсь найти нужных людей, которые могут помочь, и попозже подъеду к вам.

– Спасибо тебе, Иваныч.

– Совсем с ума сошел? За что спасибо? Вот все вернем на свои места, тогда и будем друг перед другом расшаркиваться. Держи себя в руках! Маришка-то как?

– Боюсь я за нее, Валя. Лежит трупом, сама не своя, даже не плачет. Первый раз заплакала сегодня ночью.

– Ты понимаешь, что ты за нее в ответе? Кто ей сейчас поможет, если не ты? Сына вернешь, а жену потеряешь. Немедленно иди домой и заставляй ее совершать простые телодвижения, даже через силу. Ни на минуту не оставляй одну, ты понял?

– Да, поехал я, Валя, ты прав. – Александров тяжело встал со стула и пошел к двери.

Как же изменило человека горе! За три дня Серега постарел на десять лет, даже походка изменилась, плечи ссутулились. Что делать? То, что действовать необходимо, понятно как дважды два, но с чего начать? С какого края? Знакомых милиционеров нет. Проблемы он досконально не знает. Черт! Давно не чувствовал себя таким беспомощным. Чубов нажал на кнопку селектора и вызвал секретаршу.

– Слушаю вас, Валентин Иванович. – Уверенный и спокойный голос подействовал целебно.

– Анюта, отмените, пожалуйста, все встречи на сегодня. Телефонные звонки тоже исключите. Меня ни для кого нет, кроме Сергея Владимировича и Алексея Николаевича. И вызовите мне машину.

– Хорошо, Валентин Иванович. – В голосе секретарши угадывались нотки удивления.

Но сдержалась, маленькая, никаких лишних вопросов. Вот и умница. Стоп! А ведь у этой Анюты то ли муж, то ли брат, то ли деверь-шурин имеют отношение к милиции. Да-да, помнится, в прошлом году она отпрашивалась как раз на День милиции. Что-то там у них намечалось вроде семейного праздника. Чубов снова нетерпеливо нажал на кнопку.

– Зайдите ко мне, пожалуйста, Анна Евгеньевна.

Вот так и бывает по жизни, не знаешь, где найдешь, а где потеряешь. Только что собирався мчаться в никуда, толком не зная, что предпринять, лишь бы как-то действовать, а тут у его милой Анны Евгеньевны родной брат оказался аж подполковником Московского уголовного розыска. Анюта – молодец, выдержка железная. Ни одного лишнего вопроса не задала. Тут же из его кабинета позвонила родственнику и попросила помочь хорошему человеку. Отлично,

первый шаг сделан. Уже легче. Подполковник согласился с ним пообедать. Есть с чего начинать, а это самое важное.

В таком деле без совета профессионала не обойдешься. Что он знает о наркотиках и наркоманах? А практически ничего и не знает. Только то, что показывают по телевизору. В силу своей занятости он смотрит телепередачи крайне редко, может с трудом вспомнить рекламные ролики про клинику Маршака. И запомнилась эта реклама вовсе не потому, что он интересовался этой проблемой, а, скорее, из-за фамилии, знакомой и любимой с детства. Наркотики, зависимость, падение и распад личности, гибель – это всегда происходило с кем-то далеким, вникать в суть вопроса не было ни желания, ни смысла. Выработался определенный стереотип восприятия, казалось, что его лично эта беда никогда не коснется. Законченный народ эти наркоманы, вот и все. Вызывали они, скорее, не жалость, а чувство непонимания и некоторую брезгливость.

Это сейчас любой школьник легко разбирается в многочисленных смертельных препаратах, а особо одаренные элементарно способны изготовить всякую дурь из безобидных лекарств, которые легко купить в любой аптеке. Их поколение эта страшная чаша миновала. И использованные шприцы на лестничных клетках не валялись. По крайней мере, ни он сам, ни его однокурсники представить себе не могли, что можно уколиться и забыться. В основном этим баловались детки богатых родителей да богема грешила, по неясным, мутноватым слухам.

А тут Антон. Эх, Антоха, чего тебе не хватало в жизни, олух ты царя небесного? Что же ты, ребенок, творишь? Чубов вдруг понял, что разговаривает сам с собой. В голове творилось невероятное. Преследовало стойкое ощущение, что внутри черепной коробки взорвалась граната. Он, взрослый, рациональный и уравновешенный человек, не мог взять себя в руки, задавал вслух риторические вопросы. Горечь, обида, бессилие переполняли его, мешали спокойно дышать и соображать. Вот тебе и можно все исправить, советчик хренов. Теперь главное – дожить до обеда с милиционером. Столик заказан, подполковник согласен – это сейчас главное.

Чубов вызвал Могилевского, объяснил ему в нескольких словах, что происходит, оставил командовать парадом и поехал на встречу с родным братом преданной секретарши.

Подполковник уголовного розыска, как и положено человеку служивому, появился в назначенное время, ни на секундочку не опоздал. Познакомились без лишних экивоков, крепко, по-мужски пожали друг другу руки. Милиционера звали Анатолий Евгеньевич.

Выглядел Анатолий Евгеньевич, на взгляд Чубова, немного странно для человека героической профессии. Он ожидал увидеть крупного, солидного мужчину, наверное, потому, что Анна Евгеньевна была женщиной в теле и росточком от природы не обижена. Ничего подобного, брат с сестрой были внешне абсолютно разными. У подполковника могучие плечи отсутствовали, ростом он тоже не мог похвастаться, внешность неброская, мускулатурой мужик явно не блистал, абсолютно среднестатистический интеллигент московского разлива. Не герой, это очевидно. Серый служака без особых отличий. Костюмчик тоже так себе, без изысков, сигареты курит недорогие. Никакой эпатажности и муровского романтического флера.

Валентин Иванович даже несколько приуныл. Сразу бросилось в глаза, что человек не избалован жизнью и привычка обедать в хороших ресторанах у него явно отсутствует, хотя, нужно отдать должное, старается держаться изо всех сил, не сдается, делает вид, что для него это тьфу, плевое дело. А сам не знает – для чего та или иная вилка предназначена.

Чубов не выпендривался, не до того сейчас. Он заказал обычный обед, как теперь модно говорить «ленч», понахваталась словечек, прости господи. Попросту в силу объективных обстоятельств он подзабыл, что в его стране существует очень много людей, для которых поход в ресторан – это практически знаковое событие. Прошли времена, когда за червонец можно было оттянуться по полной программе с закуской, горячим, да еще с отличным ансамблем

на десерт в хорошем ресторане. Тогда главной проблемой было попасть в заведение, очереди были нешуточные.

Чубов наполнил рюмки, совсем по чуть-чуть, для того, чтобы разрядить обстановку. Внимательно посмотрел на сыщика, ожидая услышать традиционно-киношное клише: «Я на работе не пью». Нет, ничего, сыщик не выпендривался, реагировал правильно, тривиальными штампами не бросался. Хороший признак. Опрокинули по рюмочке, закусили. Валентин Иванович начал свой грустный рассказ.

Подполковник хоть и не был гурманом и изысканным знатоком ресторанов, но зато дело свое знал туго. Выслушал Чубова очень внимательно, не перебивая, потом задал несколько конкретных вопросов. Отвечать было не очень просто, потому что всю ситуацию Чубов знал со слов отца, а это, понятное дело, не самый объективный рассказчик. Он видел, как недовольно морщится сыщик, слушая его довольно сбивчивые ответы, и страшно злился на себя, что не может объяснить человеку степень несчастья, которое постигло его близких друзей.

– Я, к сожалению, очень занят, – через минут двадцать озабоченно глянул на часы подполковник. – Мне через пятнадцать минут пора ехать. Но я сегодня же пришлю вам очень толкового парня. Он работает в моем отделе, отличный сыщик. Правда, сейчас он официально в отпуске, но это даже хорошо. Недельку отдохнул, отоспался, силы восстановил. Думаю, что он быстро отыщет вашего парня. Сейчас это основная задача – вернуть мальчишку домой. – Анатолий Евгеньевич замолчал на секунду, закурил и продолжил: – С частными сыщиками пока связываться не советую. Тут дело довольно тонкое, можно и на хорошего специалиста попасть, но еще проще угодить в руки дельцов, которые любят денежки выколачивать, а реальной помощи от них не дожидаться. И третье. Сегодня я проконсультируюсь с коллегами, которые непосредственно занимаются борьбой с наркотиками, они лучше знают ситуацию и наверняка подскажут что-нибудь дельное, – говорил подполковник почти тезисно, но зато очень здраво. Вроде бы голос не повышал, а конкретные задачи на ближайшее время предельно ясны и понятны.

Чубову стало немного легче дышать. От всей души поблагодарил сыщика, они обменялись визитками и разъехались каждый по своим делам. Подполковник отправился бороться с преступностью, а Чубов решил немедленно отправиться к Александровым. Надо ребят поддержать хотя бы морально. Работа никуда не денется, там Могилевский остался, сейчас на повестке дня более важный вопрос.

Глава 3

В доме Александровых было непривычно тихо, пахло валерианой и бедой. На несчастных родителей невозможно было смотреть. Сердце сжималось от жалости и собственного бессилия. Марина сидела в кресле с потухшим, серым лицом, постаревшая на десять лет. Сергей, наоборот, не мог усидеть на месте, он все время двигался, жестикулировал, присаживался, вновь вскакивал, нервно и много разговаривал, потом бежал к компьютеру, старался найти чьи-то адреса и телефоны, потом опять подхватывался, убегал курить на балкон, через две минуты возвращался – и все повторялось сначала. Если Марина своим поведением напоминала тяжелобольного человека, Сергей больше смахивал на буйного психа, обуреваемого навязчивыми идеями.

Нужно было как-то ломать ситуацию. В таком состоянии оба долго не протянут. Силы человеческие не бесконечны, и еще, если честно, неизвестно сколько их потребуется, этих самых сил. Чубов пошел на кухню, включил чайник, нашел в холодильнике лимон и кое-что из снеди. Сделал несколько бутербродов, заварил крепкого чая. Поднос не нашелся, да и черт с ним, с подносом. Достал большую плоскую тарелку из мойки, пристроил на нее две чашки и бутерброды – притащил все это в комнату. Его трудового подвига никто не заметил.

– Мариш, – Чубов протянул чашку почти неадекватной, глубоко несчастной женщине, – возьми, пожалуйста.

– Спасибо, – произнесла безжизненным голосом измученная Марина, но чашку в руки взяла. Отлично. Пускай жест машинальный, но это уже хорошо. – Послушайте меня, родители. Чего вы так убиваетесь? Ситуация под контролем. Буквально час назад я встречался и разговаривал с одним очень дельным человеком, он пообещал нам помочь, – произнес Чубов уверенным, спокойным голосом.

– Что за человек? – Сергей наконец остановился.

– Конкретный человек, профессионал, подполковник Московского уголовного розыска. – Чубов старался произносить слова в своей обычной манере, не интонировать, не дрожать голосом и ни в коем случае не выдавать собственной тревоги.

– Я же просил тебя не обращаться в милицию, – вскинулся Сергей, в его глазах мелькнуло раздражение.

– А я официально никуда и не обращался, можешь не переживать. Я же обещал, обижаешь, друг. Все идет частным порядком, без всяких официальных заявлений и оформлений. Я же вам не враг, а Антошке тем более. Не переживайте. Нам в помощь дают отличного специалиста, кстати, он скоро должен подъехать. Представляете, удалось заполучить самого что ни на есть настоящего муровского сыщика, рекомендовали его как профессионала экстра-класса. Он Антона вычислит и найдет в два счета. А там уже будем разговаривать с ребенком и решать, что делать и как жить дальше. Если нужно, найдем клинику, будем лечить. Если нет такой необходимости, устроим на работу, поможем восстановиться в институте. В общем, не будем сейчас гадать на кофейной гуще, что да как, разберемся. Никто в этой жизни от ошибок не застрахован, а уж молодые и подавно. Парня сейчас не стоит корить и взывать к его совести, ему и так плохо. Он поэтому и из дома сбежал. Сам справиться с проблемами и разрулить ситуацию, видимо, не может, а вас подставлять не желает. И стыдно ему ужасно, и больно, я в этом убежден. Я лично сдаваться не собираюсь, приложу все силы, чтобы у Антохи все было хорошо. – Чубов перевел дыхание и посмотрел на внимающих ему несчастных родителей.

– Спасибо тебе, Валя, – благодарно произнесла Марина тихим голосом.

– Да брось ты, мало ли что случается в жизни. Взрослые и умные – и то таких дел иной раз понаворочают, что оторопь берет, а тут пацан двадцатилетний. Вляпался, да, не спорю. Против фактов не попрешь. Поганец, конечно, порядочный. Но ничего, разберемся. Немножко

ноги ему повывергиваем, конечно, не без этого, но это потом. Вы того, родители, соберитесь, подготовиться надо некоторым образом. Скоро сыщик в гости пожалует, наверняка будет разные вопросы задавать. Я думаю, чтобы зря время не терять, надо приготовить все адреса, телефоны, фамилии, словом, всю информацию, какая у вас имеется. Друзья там, приятели, знакомые, сокурники, девушки. Не сидите без дела, время – деньги.

Родители засуетились. Марина поднялась с кресла, взяла со стола какие-то бумажки, записную книжку, вооружилась ручкой и начала выписывать что-то на листок. Сергей сел за компьютер. Ну и хорошо, пусть лучше делом занимаются, что купаться в собственной скорби? Сил понадобится огромное количество. Нельзя давать им уходить в горе с головой. Так, пока сыщик не приехал, нужно позвонить в офис Могилевскому, узнать, как дела и нет ли проблем. И второе – обязательно связаться с Лерочкой, узнать, как у нее дела. Как только он подумал о жене, мерзкий страх опять выполз из своего убежища и стал противно сжимать сердце. Может быть, действительно нужно съездить в этот санаторий и убедиться, что все в порядке, а ночной звонок – это просто чужая больная фантазия. Нет, он никуда не поедет, надо уметь держать себя в руках. Это глупо. Если он сейчас сломя голову помчится за город, это будет означать только одно: он сомневается в своей жене. Нельзя допускать, чтобы эта ночная бестия торжествовала. Чубов вышел на балкон, пока в его присутствии не было особой необходимости, достал телефон и нажал на кнопку вызова. Лера ответила сразу, голос ее был, как всегда, спокоен, доброжелателен и ласков.

– Солнышко, здравствуй, извини, что утром не позвонил. Задержали немного. – Чубов широко улыбнулся и облегченно выдохнул. Черт, все-таки грязные намеки потрепали ему нервы.

– Что-то случилось? – Лерин голос звучал обеспокоенно.

– Нет, дорогая, не волнуйся. Все как всегда. Есть некоторые проблемки, но ты же знаешь, что все они решаемы. Просто иногда на это уходит некоторое время, вот и все. Я скучаю без тебя, родная, – ласково произнес Чубов.

– Я тоже очень скучаю. Может быть, мне вернуться домой пораньше? – Вопрос прозвучал неожиданно. Страшно захотелось, чтобы Лера сейчас, когда так тяжело, была рядом. Но капризничать и удовлетворять свои эгоистические порывы он себе не позволит.

– Не вздумай. Из-за того, что мы скучаем друг без друга, ты прервешь курс лечения? Я даже слышать об этом не желаю. Давай потерпим еще чуточку. А если хочешь, я могу приехать к тебе, ты только скажи, – выдвинул Валентин Иванович встречное предложение.

– Чубов, ты неисправим. Готов выполнить мой любой каприз. Какой же ты смешной. Я жива, здорова, дышу свежим воздухом, хожу на процедуры, вечером нас тут развлекают изо всех сил. Сегодня, например, приезжает цыганский ансамбль. Представляешь, какая экзотика?

Валентин Иванович закрыл глаза. Как бы все было хорошо, если бы не этот засранец Антон!

– Лерка, смотри мне там! – шутливо пригрозил Валентин Иванович жене.

– Чего «смотри»? – счастливо рассмеялась Лера.

– Цыгана не прошу, предупреждаю сразу, – грозным голосом предупредил Чубов. Господи, как он ее любит. Ему иногда самому страшновато становится. Он готов дурачиться, показывать фокусы и совершать подвиги ради нее – единственной и неповторимой.

– Обещаю быть хорошей девочкой, не переживай. Мне кочевая жизнь, Валечка, не нравится. И потом, в таборе с гигиеной не очень хорошо. Так что можешь быть спокоен. Цыганские страсти меня не волнуют. Посижу на концерте, в ладошки похлопаю – и пойду спать в свой номер.

У жены прекрасное настроение, это главное.

– Вот так бы сразу, – ворчливо заметил Валентин Иванович.

– Ты предлагаешь мне из номера не выходить и спать все время, да, грозный муж? Что это с тобой случилось? Ты решил стать ревнивцем ни с того ни с сего? Неужели провинился в чем-то передо мной? Наверное, забыл сегодня утром зубы почистить, признавайся, Валентин.

– Я люблю тебя. – Нежность к жене переполняла Чубова.

– Я тоже тебя очень люблю, – серьезно ответила Лера. – У тебя в самом деле все в порядке? Ты ничего не скрываешь? – забеспокоилась Лера. Наверное, все-таки почувствовала неладное.

– Все хорошо. Чист перед тобой, как младенец, ничего не скрываю. Зубы, кстати, утром почистил и душ принял. Целую тебя крепко, вечером обязательно позвоню. Пока.

– До свидания, мой хороший, – донесся до него голос любимой.

Нечего было столько терзаться по пустякам и переживать. Нужно было еще утром, как проснулся, позвонить жене и забыть о ночном происшествии. Да, собственно, какое это происшествие? Так, нелепица. По сравнению с тем, что сейчас происходит в семье Александровых, это невинная шутка. И когда только сыщик приедет? Время замерло. Хуже ожидания, особенно тревожного, трудно что-нибудь придумать. Паршивее, пожалуй, только вынужденное безделье.

Глава 4

Для Валерии Чубовой наступили черные дни. Она была уверена, что самое страшное осталось давно позади, в проклятом прошлом, и наступила совершенно другая фаза жизни. По крайней мере, она для этого сделала все возможное и невозможное. Уезжая в санаторий, она была спокойна, уверена в завтрашнем дне, ей уже давно не приходилось вздрагивать по ночам от ужаса, бессилия и отчаяния. Судьба была к ней благосклонна в последнее время. Лера знала, что за сегодняшнее счастье быть свободной и любимой она заплатила с лихвой. А теперь все рухнуло, она сидит в своем номере, дрожит от ужаса и не понимает, что делать дальше.

Получилось так, что оказалась она еще до рождения без вины виноватой перед всем белым светом. Ни одна живая душа не знала тайны ее жизни от рождения и до замужества, никому она не рассказала бы об этом при любом стечении обстоятельств. Даже самому близкому человеку не могла она рассказать о себе все. Прошлое давно умерло, было погребено и забыто, казалось, навсегда.

Глядя со стороны на красивую, уверенную в себе женщину, даже в самом страшном сне невозможно было себе представить, сколько ей пришлось пережить горя и бед. Родилась Валерия в небольшой захолустной деревеньке примерно в ста пятидесяти километрах от Москвы. Но это обстоятельство не было самым скорбным в ее судьбе. Когда Валерия родилась, от деревеньки осталось только название. Колхоз давным-давно распался, о его существовании напоминал развалившийся коровник, в котором штук двадцать пять несчастных буренок, утопающих в навозной жиже по пояс, никак не желали помирать. Две старушки доярки из жалости, ставшей с годами второй натурой, обихаживали несчастных животных. Молодежь и все, кто на тот момент оставались в здравом уме и трезвой памяти, покидали историческую родину и отправлялись искать счастья в цивилизованные места: кто в ближайший райцентр, кто в столицу. Маленькую Леру не трогали эти жизненные обстоятельства, она еще была не способна понять, в каком благословенном уголке ее угораздило появиться на белый свет. Человек не волен выбирать себе ни родителей, ни тем более места, где ему уготовано появиться на свет.

Каждый из нас хранит в себе воспоминания детства.

Запах елки, перемешанный с ароматом мандариновой кожуры, любимая кукла, красивая мама в модном цветном сарафане, крепкие руки отца, его строгая, но добрая улыбка... И нет на земле людей любимее и красивее, чем они – мама и отец. Всего этого в Лерочкиной жизни не было. Первое и самое главное воспоминание ее детства – голод. Сколько она себя помнила, она всегда хотела есть. Маманя ей досталась еще та, на загляденье. Крепкая деревенская девка, с руками, ногами, крепкими грудями. Все было при ней, кроме мозгов. Серого вещества на ее долю при раздаче не хватило. Как в деревне, где приходится трудиться круглыми сутками, могла вырасти такая никчемная и ленивая бабенка, сказать трудно. Ей было не лень одно – крутить крепким задом и бегать на сеновал с любым желающим за бутылку портвейна. Дочку родила и не заметила как. Между делом, а точнее, между загулами. В тот год недалеко от их деревни проводили крупные военные учения, так что в кавалерах дефицита не наблюдалось. Буйная маманя в любовно-хмельном угаре не сразу сообразила, что беременна. Когда поняла, что скоро станет матерью, махнула на все рукой. Ей и в голову не пришло что-то изменить в своей жизни или образумиться. Подумаешь, невидаль – беременна и беременна.

Вопреки обстоятельствам девочка родилась здоровенькой и настоящей красавицей. Понятное дело, что для любой матери родившееся чадо – самое распрекрасное существо на земле. Пусть морщинистое, с красным лицом, лысое, бессмысленно хлопающее глазенками. Никого нет краше на свете. Но в этот раз все было с точностью до наоборот. Лерочка действительно отличалась от остальных новорожденных. Она была похожа на чудную фарфоро-

вую куклу. Светлое личико, огромные ярко-голубые глаза и белые кудри. Даже выдавшие виды врачи, акушерки и нянечки восхищались новорожденной.

Вероятнее всего, именно это обстоятельство заставило ветреную и загульную мамашу не отказываться от малышки сразу. За многие годы она впервые была трезвой уже почти неделю да плюс ко всему находилась в центре всеобщего внимания. До нее дошло наконец, что она первый раз в своей никчемной жизни умудрилась сделать что-то стоящее, впервые в жизни она ощутила себя человеком. Казалось, ангелы-хранители вспомнили про заблудшую и взяли ее под свою опеку. Но материнский инстинкт победила водка. Как только беспутная мамашка оказалась с малышкой дома, все закутилось по-прежнему. Сначала новоиспеченная мамаша обмывала дочерние «ножки», а потом так увлеклась процессом, что про девочку забыла. Спасибо, мир не без добрых людей. Соседка, баба Нюра, добрая душа, видя такое безобразие, забрала младенца к себе и спасла малышку от неминуемой гибели. Пожилая, одинокая женщина не могла допустить такого греха.

В редкие минуты просветления баба Нюра пыталась образумить Верку-беспутницу. Как могла, взывала к совести, разуму, приносила матери ясноглазую кроху в надежде, что дрогнет бабское сердце, проснется, опомнится. Но все усилия доброй женщины были напрасны. Верка плакала, впадала в истерику, обещала бросить пить, иступленно целовала пухлые ручки своей кровиночки. Но проходила неделя-другая, и все возвращалось на круги своя. Верка уходила в очередной загул, начинала пить, теряла человеческий облик и напрочь забывала про дочь. Баба Нюра, взывая к Господу и проклиная все на свете, вновь забирала неухоженную, зареванную малышку к себе. Отмывала, отпаивала козьим молоком и плакала до изнеможения. Верка-прорва выросла на ее глазах. Когда-то баба Нюра дружила с ее родителями. А как же по-другому. Близкие соседи на деревне почти родственники. Из последних сил боролась она за жизнь крохи.

Лерочка росла как на дрожжах и стала для бабы Нюры настоящей наградой. Здоровенькая, спокойная, умненькая и очень доброжелательная девочка. И старый, и малый друг в друге души не чаяли. Так прошло пять лет. Верка деградировала окончательно. Однажды не в самый лучший день она неожиданно пропала. В деревне всякое болтали. Но что произошло на самом деле, не знал никто. Накануне она здорово гуляла, шум стоял по всей округе. Отрывалась на полную катушку с заезжими шабашниками. Гулянка продолжалась не один день, даже участковый наведывался пару раз, пытался утихомирить веселую компанию. Но факт оставался фактом. Шабашники уехали из деревни, одновременно с ними и Верка втихую покинула родные пенаты.

На Лерочку поступок матери не произвел особого впечатления. Девочке было вполне достаточно бабушкиной любви. Своим детским умом она еще не могла понять величину собственной трагедии. Мама Вера была для нее существом номинальным. Если бабушка просила, она заходила к матери, хотя очень этого не любила. Чужая, невменяемая женщина с отекившим лицом, грязь в доме, посторонние странные люди и затхлые запахи не вызывали в девочке положительных эмоций. Кроме страха и брезгливости, она ничего не испытывала к женщине, которая то хохотала, то плакала и все время пыталась ее поцеловать. Но баба Нюра закружилась не на шутку. Кроха ей была не в тягость, она любила девочку до самозабвения, прикипела к ней. Но возраст и болезни все чаще напоминали о себе. Не под силу ей было поднять девочку, довести до ума. Баба Нюра была одинока, ни детей, ни родных, положиться было не на кого. Она горевала, что, случись с ней что, Лерочка второй раз останется сиротой.

Но переживания переживаниями, а жизнь диктовала свои правила игры. Так и остались жить вместе старый да малый. Как ни крепилась бабулька, выше головы не прыгнешь. Добрые люди давно советовали сдать девочку в интернат. Мол, там и кормежка, и условия, и воспитание. Девчонке скоро в школу пора идти. В деревне школы нет, нужно будет возить кроху в райцентр, разве бабке под силу справиться с такой задачей? Опять же, обувь, одеть, портфель

купить – все эти мелочи вырастали для пенсионерки в неразрешимые проблемы. Но баба Нюра держалась до последнего. До того прикипела к девочке, что жизни без ясноглазой и ласковой крохи не представляла.

Предательское тело все чаще выходило из-под контроля, переставало слушаться, недуги заставляли целыми днями валяться в постели. Огород, любимое детище и кормилец, был заброшен. Кое-кто из немногочисленных соседей навещал: то молочка, то овощей добрые люди подбрасывали, но это не могло решить все вопросы. Любовь – это, конечно, замечательно, но кушать нужно каждый день. И одеть девчонку надо, и в школу собрать, а дальше что? Первое сентября надвигалось неумолимо. Поплакала старушка, да делать нечего. От беспутной Верки по-прежнему не было ни слуху ни духу. Сгинула, видать, прорва бесстыжая, на просторах необъятной родины. Спасибо соседям, съездили в райцентр, все нужные документы оформили. Проблем накопилось немало. Безалаберная мамашка даже свидетельство о рождении ребенка не удосужилась оформить своевременно. Хорошо, что мир не без добрых людей. И бабульку в больницу устроили, и девочку определили в интернат.

Первое время Лерочка скучала по бабушке, не хватало замечательной улыбки, когда все морщинки на лице сбегаются к глазам, ласковости любимых рук. Ей часто снилось, что она у бабушки спит под лоскутным одеялом и, толком не проснувшись, слышит запах жареных оладушек. Бабушка Нюра приезжала к своей воспитаннице несколько раз, а через год слегла окончательно и уже не поднялась.

Похоронили добрую женщину на деревенском погосте, Лерочку решили не привозить на похороны. Мала еще, да и так девке досталась несладкая жизнь. О матери Лерочка не вспоминала. А вот без бабушки было плохо. Ей объяснила воспитательница, что баба Нюра больше не будет приезжать к ней, рассказала почему. Бабушка очень часто приходила во сне. Именно тогда, в далеком детстве, девочка дала себе слово, что, когда вырастет, обязательно станет врачом. Придумает волшебное лекарство, и тогда хорошие люди перестанут болеть и умирать. Клятва и мысли были наивными, детскими, но они определили ее путь на многие годы.

В интернате Лерочке нравилось, да и мала была кроха, чтобы понять, что происходит на самом деле. После сельской избы жизнь в райцентровском интернате казалась замечательной. Кроме картошки на обед давали фрукты и красивые коробочки со странным названием «йогурт». Ей все очень нравилось: и просторные спальни с красивыми кроватями, застеленные бельем в веселенький цветочек, и добрые воспитательницы. Многое она открывала для себя впервые. Игрушки, бантики, заколочки и, конечно, ранец. Это было так здорово – пойти в школу в настоящей форме, с красивым ранцем за плечами и с букетом в руках! Прошло совсем немного времени после смерти бабушки Нюры, и девочка почти перестала скучать. Не потому, что она забыла про бабушку, вовсе нет. Она жила с детишками, которым пришлось пережить в своей короткой жизни и не такое. Детская психика уникальна. Маленькие человечки, нелюбимые и брошенные, умудряются противостоять любому злу и предательству.

Девочка, к великому счастью, пошла не в маму. Науке неизвестно, в кого уродилась такая умница, вероятнее всего, с папой повезло. Ясноглазая, трудолюбивая, доброжелательная, открытая, старательная и очень спокойная. Не зная бы про ее судьбу, можно было бы подумать, что воспитывался ребенок в интеллигентной семье, которая наняла для кровиночки сорок восемь гувернанток. Девочка была всеобщей любимицей и в школе, и в интернате. Учителя и воспитатели в ней души не чаяли. Подружки тянулись к ней, мальчишки с раннего детства уделяли ей внимание. Училась Лерочка прекрасно.

Но годы брали свое. Девочка вырастала, ей стали открываться совсем другие измерения. Она вдруг поняла, что она изгой в этом безжалостном мире, что надеяться ей, кроме как на себя, не на кого. Наступит время, ей придется покинуть родной интернат. Идти не к кому, жить тоже негде. Ни одной родной души на белом свете. Лерочка начала прислушиваться и приглядываться к тому, что происходит вокруг, стала чаще задумываться о будущем. Раньше

она не придавала значения многим словам и не очень умным поступкам со стороны ровесников. Но настал день, когда жестокое, презрительно брошенное сквозь зубы: «Интернатовская» – ранило до самых кончиков ногтей. Девочка не сдавалась, у нее не было выбора. Она знала твердо, что должна, чего бы ей это ни стоило, выучиться на врача.

Ей вдруг стало тяжело и ужасно стыдно ходить в школу, в которой все считали их людьми второго сорта. Она училась в классе лучше всех, и мальчишки-ровесники зачастую ей, безродной сироте, одетой далеко не по последней моде, уделяли гораздо больше внимания, чем райцентровским девчонкам. Тогда она не понимала, почему девчонки из класса не принимают ее в свою компанию, норовят задеть побольнее и подчеркнуть свое превосходство. Это ее обижало.

У них были родители, они жили в собственном доме. А ей было трудно, невыносимо порой, но она твердо знала, что ей необходимо закончить девять классов и поступить в медицинское училище. И она это сделала. После девятого класса, как ни уговаривали ее учителя и воспитатели продолжить учебу, она рассталась со школой и поступила в медицинское училище здесь же, в райцентре.

Жалко было прощаться с детством, с воспитателями, ставшими почти родными. Но что делать? Зато она не потеряет два года. А в интернат можно приходить в гости, она же не уезжает из города. Главная цель была достигнута, а жить – что в интернате, что в общежитии. В принципе это не имело особого значения. Когда Лерочка поступила в медицинское училище, она почувствовала себя по-настоящему взрослой. Она твердо поверила в себя. До осуществления мечты оставалось всего ничего. Сначала нужно закончить училище, потом поступить в институт. Трудностей она не боится. Ничего страшного, если с первого раза ей не удастся попасть в вуз. Можно поработать, а потом повторить попытку. Торопиться некуда, у нее вся жизнь впереди. А врачом она станет обязательно. Стипендия была смехотворной, но Лера не видела в этом ничего ужасного. Устроиться санитаркой в больницу не составило особого труда. Тоже не бог весть какие деньги, но ей хватало. На так называемую личную жизнь времени не оставалось, но ей и в голову не приходило горевать по этому поводу. У нее была одна заветная мечта – стать доктором.

Вопреки общественному мнению, жизнь в общежитии была вполне приемлемой. Лерочка не почувствовала существенных перемен. В интернате в комнате было восемь человек, здесь – трое. Комната была очень уютной. Девчонки попались замечательные, все из окрестных деревень, ровесницы, без особых претензий и заскоков. Сдружились практически сразу. Особых проблем и не возникало. Подумаешь, проблема, кому сегодня ужин приготовить или посуду помыть.

В училище было проще. Здесь не имело никакого значения, есть у тебя папа с мамой или нет. Никто по вечерам не рассказывал небылицы про своих родственников, которые героически погибли или находятся в секретной командировке и поэтому вынуждены оставить своих детей в интернате.

Лерочку выбрали старостой группы. Трудно было представить ее уставшей, раздраженной или обиженной. Маленькая несгибаемая оптимистка успевала везде. Прекрасно училась, принимала активное участие в общественной жизни родного училища, не имела ни одного замечания по работе. Персонал и больные обожали хрупкую девочку с приветливой улыбкой. Она делала трудную и грязную работу без малейшего раздражения и успевала выполнить мелкие просьбы больных, выслушать длинную историю жизни одинокой бабушки и утешить несчастную старушку. Лера была не просто санитаркой, которой нужно вымыть полы и обиходить лежачих больных. Она не жалела своего сердечка и души для тех, кому в этот момент тяжело.

Заведующая отделением не могла нарадоваться на девочку. Все вокруг только и делают, что ворчат и осуждают молодежь. А молодежь разная бывает. Вон какая девочка выросла, просто чудо. И это несмотря на то, что сирота. Грязной работы не боится, учится прекрасно, нико-

гда не ноет и не капризничает, страдалицу из себя не корчит. А характер какой замечательный. Да эта девчушка многим взрослым фору даст своей целеустремленностью, нестигаемостью и врожденной порядочностью. Душа неиспорченная, открытая, отзывчивая на чужую боль. Одинокая тростинка на жизненном ветру, а не сдается, не ломается. В столичные проститутки за сытой жизнью не побежала. А то как посмотришь некоторые программы по телевизору, не понимаешь, какую задачу ставили перед собой авторы. То ли призывали народ возмутиться современными нравами, то ли советовали пожалеть несчастных красоток, которые приехали заработать на корочку хлеба для своих бедных родственников телом. Поучились бы шоссейные барышни у этой тростиночки, как жить. Вкальвует за гроши и несчастной себя не считает. Решила стать врачом – и станет, нет ни малейших сомнений.

Конечно, иногда Лера валилась с ног от усталости и засыпала буквально на ходу. Но молодость брала свое. Стоило отоспаться, и жизнь налаживалась. Все складывалось так, как когда-то мечталось в далеком детстве. Она целенаправленно и упорно шла к заветной цели. Ей часто снились сны, в которых она в белом халате деловито шагала по больничным коридорам настоящим доктором без порядком поднадоевшей швабры.

Время летело незаметно. Некогда было вести счет дням и часам и хныкать, приходилось вертеться, как той красотке с пушистым хвостом, в колесе. С лекций нужно было бежать в больницу. После работы чуть переведешь дух – и за учебники. А с утра все здорово. Плюс всякие общественные нагрузки. Часов в сутках не хватало. Жизнь была ключом, горевать о несчастной судьбе времени не было.

Приближалось лето. Еще немного – и она станет второкурсницей. Мечта стать врачом становилась реальной, и это самое главное. Приближение каникул несколько портило настроение. Основная часть девчонок, в том числе и ее соседки, ждали каникул с нетерпением. Разговоров на эту тему было не счесть. Все как одна мечтали поскорее отравиться домой. Что с них взять, ведь по своей сути дети. Оторвались от мамкиной сиськи, поверили в свою взрослость, а природу все равно не обманешь. Родительский дом, родная деревня – не просто звук. Это то, о чем тоскуешь по ночам, что тебя держит на плаву, что тебе снится, и сны эти тебя спасают. Это давно проросло в тебя, ты без этого не ты, а так себе, человек, не помнящий родства.

У Лерочки не было этой основы. Эта тема саднила, как открытая рана. Ей очень хотелось быть такой, как все. Пусть папка ее был бы не председателем колхоза или городским начальником, нет. Она согласилась бы на любой вариант. Ведь среди трактористов и пастухов полно отличных людей. Про маму думать она себе запрещала. Это было слишком больно. Ей и так повезло в жизни. Бабушка Нюра, воспитательницы из интерната, любимые учителя, а сейчас ей судьба послала доброго ангела в образе совершенно чудного человека – Аллы Игоревны, заведующей терапевтическим отделением, в котором она работала.

Все чаще после того, как в комнате выключался свет, девчонки начинали мечтать, как замечательно они проведут лето. Сокурсницы не хотели обидеть Лерочку, они в силу своего юного возраста не понимали, что невинные воспоминания и мечты ранят душу соседки по комнате страшнее, чем оскорбления. Милое щебетание по вечерам стало раздражать, но в чем девчонки виноваты? В том, что у них есть родители? Обижаться за это на подруг глупо, можно только порадоваться за обеих. Их бесхитростные воспоминания о знакомых мальчишках, школьных проказах, вкусных маминых пирогах, подружках просты и понятны. И нечего злиться на весь мир, на это просто нет времени. Перед Лерой встала почти неразрешимая проблема. Этим летом в общежитии намечался капитальный ремонт. Дело хорошее, но всех предупредили, что придется покинуть стены родной общаги. Нужно было срочно искать место, где она сможет перекантоваться два месяца. Девчонки наперебой звали ее в гости, но такой вариант Лерочке не подходил. Ей некогда было отдыхать, она собиралась летом перейти на полную ставку, чтобы немного подзаработать. Лерочка попробовала поговорить с комендантшей – ничего хорошего из этого не получилось. Комендант у них была тетка вздорная, скандальная и очень громкая.

Никогда толком не разберется, что происходит, но наорет так, что слышно на соседней улице. Спокойно разговаривать их заслуженная Нина Ивановна была не в состоянии. Это, пожалуй, единственный человек, с которым Лера не могла найти общий язык. Злющая тетенька ненавидела все живое, порой казалось, что и себя она тоже очень не любила. Странная особа. Правда, порядок в общежитии был образцовый, студенты перед ней трепетали и старались держаться в теничке. Потому, наверное, и работала тут больше двадцати лет старая скандалистка.

Предстоящее лето радужных перспектив не сулило. Лерочка сильно не огорчалась. Сейчас главная задача – сдать сессию на «отлично», а там будет видно. Безвыходных ситуаций не бывает, уж ей ли этого не знать. Попробует еще раз поговорить с Ниной Ивановной. Не поможет, сходит на прием к директору училища. В конце концов, можно будет поговорить с Аллой Игоревной, объяснить ей ситуацию. Она наверняка поможет. В больнице всегда есть свободные койка или кушетка. Не останется она на улице. Алла Игоревна золотой человек. Вот уж воистину полный антипод их комендантше. У нее всегда есть время выслушать, посочувствовать. И это – несмотря на занятость и собственные проблемы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.